

Отступление о Головине

О ГОЛОВИНЕ АЛЕКСАНДРЕ АНДРЕЕВИЧЕ надо сказать подробнее - его судьба связана с заводом на протяжении четверти века. Головин родился в 1918 г. в Змеиногорске. В роду его не было камернеров, отец занимался выработкой сливочного масла на одном из многочисленных малых заводиков, которыми тогдашня колыванская округа была насыщена довольно плотно. То был взлет маслоделов-кооператоров, когда вкуснейший и ароматный продукт алтайских маслоделов, попадая в Европу через множество перекупщиков, выдавался ловкими торговцами за голландский или датский. Но этот преуспевающий бизнес никак не отразился на судьбе Александра Головина.

Когда ему было чуть более десяти лет, умерла мать. Мальчик какое-то время воспитывался у родственников, а позже оказался в детдоме. Как ни поливают сейчас демократы советскую власть, но она так называемых беспризорных собирала в детские дома и опекала до совершеннолетия. И образование человек получал достойное. Это сегодня - в самом расцвете всяческих свобод на рубеже веков - Россия докатилась до того, что по ней странствует и горемычет более миллиона бездомных детей! Александр Головин перед войной окончил техникум в с. Алтайском, стал дипломированным механиком.

Все это довольно скупо, сжато рассказала дочь Головина Галина Александровна. Она и сейчас преподает математику в колыванской школе, учила и учит внуков тех, с кем работал ее отец. Она почти ничего не говорила о своем отце как о директоре завода. Путь Головина до того, как он перешагнул порог камернерного завода, обычен для сибиряка. С 1939 г. армия и война. Шесть с лишним лет не снимал Головин форму танкиста, служил в Забайкалье, а в ноябре 1941 г. участвовал в том памятном параде, когда войска с праздника уходили на фронт. Награжден медалями "За отвагу", "За взятие Кенигсберга". А в 1946 г., в январе, водитель-механик танка Головин был принят на должность главного механика камернерного завода. Через год исполнял обязанности главного инженера, но завод в то время административно лихорадил, руководство менялось, и Головин даже в школу уходил преподавателем, а позже вернулся на завод конструктором-технологом. Но таких голов, как Головин, на заводе не хватало хронически, и его в 1949 г. снова назначили главным инженером.

Самое подробное представление о заводе, о его состоянии можно получить в момент смены начальства - прежний директор передает хозяйство новому. И в акте передачи - полное перечисление всего, что передается.

В ноябре 1953 завод принял Александр Андреевич Головин. Предшественника его И. Майорова уволили весьма скандально. Присланный взамен Кисилева Майоров Иван Иванович остался в памяти старожилов директором-душенькой, поскольку день начинал с непременно стакана водки, и после такого приема никого старался не обижать, понеже пьяный будет всегда виноватым. На исходе 1951 года директор Майоров выехал по делам службы в трест "Русские самоцветы" в Ленинград. Приближался юбилей завода - 150 лет со дня основания. И Колывань затеяла небывалое дело - в работе была такая крупная ваза, коих не делалось последние лет семьдесят. Словом, надо было рылнить трестовскую рутину, готовить народ к торжеству. Майоров, видимо, был человек нетерпеливый и 150-летие начал праздновать с декабря, а завершился только в феврале 1952 г. Двухмесячный запой был прерван административно. Приказ по тресту гласит: "За исключительную недисциплинированность и аморальное поведение директора Колыванского завода тов. Майорова Ивана Ивановича освободить от занимаемой должности". Какое-то время хозяйством управлял очередной "врио", а уж потом вступил в права директора утвержденный в Ленинграде Головин.

К сожалению, акта передачи завода за 1953 год мне найти не удалось. По отрывочным сведениям, Головин получил в полное распоряжение утлое хозяйство. Прежде всего - полудохлую энергетику. До июня каждый год завод получал электричество с гидротурбины. Иными словами - пока был запас воды в заводском пруде, колеса крутились уверенно. Но к середине лета запас весенней силы иссякал. Заводу грозила остановка производства или сокращение его до минимума. И совсем некстати были такие сокращения.

В 1955 г. Ленинградский завод по обработке камней-самоцветов перестал выпускать вставки в запонки. Начальство "Русских самоцветов" решило: отныне в запонки пойдут только колыванские вставки. В год надобно вставлять 250 тысяч овальных и 100 тысяч круглых. И хотя на вид отдельная вставка - дело мелкое и пустяжное, однако же мороки с каждой вставкой немало. Особенно с точностью размеров. Отклонился на две десятых миллиметра от стандарта - брак! Бракованными вставками в запонки тех лет было усыпано русло речки Белой, рассекающей надвое заводской двор. Их с успехом подбирали и

десять, и двадцать лет спустя уже после того, как производство вставок прекратилось. В шестидесятые годы множество ребятшек, приехавших в Колывань на экскурсию из окрестных сел, из недалекого Рубцовска, приобщались к камернерному искусству и набивали карманы бракованной мелочью завода.

Впрочем, брачок интересовал не только детишек. Визитеры из руководства треста, предприимчивые ленинградцы сговаривались с колыванцами и ящиками вывозили бракованный камень на ювелирный завод, чтобы за приличную мзду пристроить его к делу - запустить в поток производства и "наварить" на этом деньги. Такое и до сих пор в поселке вспоминают. Но вот бракованных письменных приборов, а их завод выпускал множество, в русле реки не валялось. Даже бракованные, они расходились подарочным путем.

А уж столов и начальников над Колыванью, начиная от Москвы и Ленинграда, возвышалось немало. И самое досадное - больно уж часто менялись не только столоначальники, но и ведомства, которым подчинялась Колывань. 22 июня 1957 г. грянула из Ленинграда телеграмма: "Немедленно передайте вверенное вашему руководству предприятие завод № 6 Алтайскому крайсовету депутатов". Вот с того дня и распорядилось заводом управление легкой промышленности края. Искусством камернерным руководят те люди, которым доверено заниматься отловом и засолкой рыбы, производством прочих продовольствий. Это на краевом уровне. А в Москве хозяин - Минмеспром. В его ведении и производство гармошек по стране, и складные ножи, и поташ. Даже невские гвозди кует меспром. Но есть и предприятия, стоящие поближе к искусству. Хайтинский фарфор, например. Или янтарный комбинат в Прибалтике. На таком фоне Колывань смотрится предприятием не последним. Даже несмотря на то, что ни в одном документе тех лет - протоколы технических советов, разного рода совещаний, списки сотрудников завода, где перечислены все профессии от энергетика до ассенизатора, - нет ни единого упоминания о художнике на заводе. Последним дипломированным художником в Колывани был Алексей Иевлев. Но это 1947 год. А до самого 1978 г. на камернерном такой должности не существовало. Тем не менее графа "художественная продукция" встречается во всех отчетах.

Головин понимал довольно глубоко, что без творческого художественного импульса завод превращается в предприятие сугубо техническое. И, как мог, пытался повернуть дело на ту дорогу, которой шла Колывань в девятнадцатом веке.

НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЕ у Головина произошло еще в ту пору, когда он в 1948 г. занимал должность конструктора-технолога. Зимой 2002 г. мне удалось посмотреть в Курьинском районном архиве любопытные документы. Архивное дело, номер которого мне подсказала сотрудница заводского музея О. Панина, содержало в себе проект традиционного для Колывани изделия. "Ваза-цветок" имела довольно внушительные для тех времен размеры. И все тонкости технологии изготовления весьма сложной вазы в форме полураспустившегося бутона были проработаны до мелочей Головиным. Это был тот перекресток, на котором встречаются инженер и художник. Жаль, что это не стрижковский случай, точнее, не стрижковская судьба. Вполне художественный образ вазы был найден Алексеем Васильевичем Иевлевым. Накануне 2002 года мы разбирали его колыванский архив, и он подарил мне наброски и этюды тех лет. На маленьких, чуть более визитки, листках из записной книжки художник делал свои "почеркушки" - разрабатывал мотив цветка почти натуральных форм, не стремясь к обобщению. Но ведь это предстояло переводить в каменный материал! Задача невероятно сложная!

Кроме того, Головин был и свидетелем, и участником предьобилейного дела, когда в 1952 г. старики-камернеры помогли молодым вытаскивать составные части юбилейной вазы, оставив на время в стороне мелочь каменных пудрениц и запонков.

Думаю, что Головин на протяжении всего своего директорствования находился в противоречивом состоянии. И рад был рвануть в небеса высокого искусства, да земные заботы крепче порыва. И в первую очередь не забывай - какой энергией будет запитываться завод. В Колывани, как и повсюду, не бывает худа без добра. В 1959 г. окончательно ликвидировалось хозяйство Колываньстройа. Камернерный завод получил в полное распоряжение его дизельную электростанцию.

Колываньстрой - статья особая. Об этом предприятии еще не рассказано в должной полноте. Тема еще ждет своего печальника. Здесь же необходимо заметить, что добытчики стратегического колыванского вольфрама на протяжении двух десятков лет изрядно поддерживали технически хиреющей камернерный завод. И даже умирая, Колываньстрой передавал свои силы камернерам. Хотя бы на время, но для завода проблема энергообеспечения решалась. Но - это одна из многих забот. А другие?

...Людам, не представляющим, что такое

заводской организм, да еще оторванный от городских центров, от магистральных автобассов и железных дорог, трудно представить себе весь перечень забот главы предприятия. Вот, к примеру, передают Колыванский камернерный в ведение Горно-промышленного управления Алтайского совнархоза. Порядки новые. И новое начальство - ведь промышленность! - требует проекты на канализацию, вентиляцию и освещение рабочих мест. И Головин со своими технарями, имеющими подчас самое начальное образование или профессиональные навыки практического толка, занят этими проектами, а вдобавок к ним еще отчитывается - как будет строиться линия электропередач Лазурка - Колывань. Проект был до Колываньстройа. Но его уже нет - рудника. Надо тянуть до завода линию. И мощности совсем иные требуются. На заводе нет приличных мехмастерских - нужен проект. Нет склада технических материалов - нужен проект. Кому-то в управлении не нравится речка Белая - портит заводскую площадку, машинам негде развернуться. Нужен проект закрытого канала. И Головин все должен обосновать и обсчитать. Да ведь он же не один на заводе. Рядом умный техник Апсеитов, даже камернерные станки конструирует. Но конечный результат всегда замыкается на руководителе. Хоть успех, хоть провал. Чего стоит одна только эпопея с дизелем марки Букау-Вольф, который в 1959 г. обеспечивал электричеством и весь завод, и весь поселок, сжигая при этом в сутки по бензовозу горючего. Кто был виновник аварии на дизеле - история умалчивает. Но беда случилась - лопнул картер дизеля. Картер надвое развалила продольная трещина. Несколько месяцев длились поиски запасной детали по всем окрестным рудникам. И в Усть-Каменогорск писал Головин, и на Акташский рудник - "Помогите!". Никто не помог. Нечем. Картер дорогой, в запасе не держим. Да еще импортный. Дело уперлось в переписку с Машиноимпортом СССР. А как без энергии жить? Дали наконец Головину адресок завода-изготовителя в Германии - в Магдебург поклоны бьет директор: "Просим Вас оказать нам помощь и отгрузить в наш адрес картер дизеля", и номер по спецификации приводит.

Получила-таки Колывань запчасть немецкую, но и без электричества намаяться.

В этом месте надо сделать остановку. Все о технике, о железяках разговор. Но есть еще люди - работники завода и их семьи. Вспомним век девятнадцатый, когда камернерам вдруг отказали в прованте для членов семьи. В сентябре 1960 г. переподчинили Колывань горнопромышленникам, а как будет кормиться поселок - не подумали. И чуть было не осталась Колывань без снабжения. Директору пришлось пробывать в горнорудном управлении лимиты и фонды, вовсе для колыванцев не предусмотренные. Отказывался Змеиногорский продснаб выделять камернерам сливочное масло, жиры и сахар. Головин поднял шум - всего может оказаться без продуктов 920 человек. Это семьи камернеров. А на заводе трудятся 230 человек. Кормильцы!!! Да вдобавок ко всему два года назад выяснилось, что ни одна из специальностей камернеров в списке вредных профессий не значится!

Проше говоря, до 1958 г. официально считалось, что на заводе никто не может заболеть силикозом. Так решили врачи санитарной службы края, не удосужившись понюхать камернерного воздуха. Народ зароптал. Все списывали на военные трудности, но война давно миновала. И вот краевая санэпидемстанция засыплет в Колывань своих спеццов. Понюхали спецы воздух камернерный, прочитались и заявили - камернерам требуются спецпитание и внимание, поскольку воздух над станками включает в свой состав много кремнистой тонкой пыли - более 40 миллиграммов в каждом кубометре воздуха этой пыли висит.

Словом, что ни шаг у директора по заводу, то новая забота. Ежедневно. Каждый день - букет проблем цветущий. Урал давно режет камень алмазом! А Колывань все еще шмурыгает по малоподачному кварциту карборундом. Станки камернерные на заводе безнадежно устарели. Все новшества рационализаторские Апсеитова только позволяют теплиться производительности самодельного оборудования. Подготовка мастеров - домашняя и без основ художественного понимания производства.

Казалось бы, получив станки и запасы алмазным инструментом, Головин мог беззаботно мельчить алтайский и байкальский кварцит на бруски, тачать, как сапожник, рубашки из гранита для химического производства, памятники, наконец, высекать и жить себе припеваючи, от премии до премии. Однако же что-то мешало Головину жить беззаботно.

Оглядываясь из 2002 года на то время, я думаю, что Головин с приходом на завод пытался изменить его в силу своего разумения и способностей. Однако одностороннего действия не существует. Завод тоже менял Головина. В первую очередь нового директора меняла история Колывани камернерной. Каково ему неуютно было, появляясь в Ленинграде по делам службы, разглядывать в свободный день эрмитажные коллекции самоцветных изделий. Ведь камень-то родной,

земляк. И в то же время отчужденный - сделано не тобой. Ну! Есть же ревность мужская, в конце концов. Вот он, я, директор Колыванского завода, того самого, на котором наши мужики сделали вот это вишнево-порфирующее чудо, чудо яшмовое!.. И на каких станках? Да от того самого колеса вертели эти станки, которое на моих глазах выворотили из нефритовых подшипников вскоре после войны, и еще валяется оно, это колесо, под плотиной... И про алмаз те мужики не слышали. Наждаком работали... И до меня дела в Колывани вели Ивачев, Злобин, Лаулин, а всем начало положил сам Стрижков. И почему я сегодня, главная голова в Колывани, не могу дело поставить так же искусно, как мои предшественники?

НЕ БЕРУСЬ УТВЕРЖДАТЬ, что Александр Андреевич рассуждал именно так. Но в том, что и его, и всю шеренгу советских колыванских директоров, а их до 2000 г. насчитывается три десятка, такие мысли посещали, - в этом я не сомневаюсь. Проекты Страшкова - тому подтверждение. Раздумывая иначе, Головин не искал бы встреч с московскими художниками. Я не знаю, при каких обстоятельствах он познакомился с московским Будановым, а распространить некое, оба уже "присоединились к большому" искусство". Вполне вероятно, Головина к этой встрече подтолкнуло решение крайисполкома 1959 года об увеличении выпуска художественных изделий на сумму 360 тысяч рублей. Для этого предписывалось брать заказы на уникальные изделия от органов Министерства культуры. Возможно, в коридорах власти над культурой директор и художник встретились в первый раз. Так или иначе, но с 60-х годов художник Буданов на заводе гость частый. И не бесследно.

Сергей Буданов не составил грандиозных химерических проектов развития Колывани. Вазы, нарисованные им и принятые в производство, не поражают изяществом и совершенством форм. В меру грамотные проекты составлял Буданов. Но помимо этого он взвалил на себя огромную работу исследователя истории колыванских изделий. Тут нелишне будет напомнить, что в архиве краевом плавали и плавают разрозненные, отрывочные сведения по истории почти каждого изделия. Да еще и питерские архивы к этому прибавьте. Была, правда, еще "Книга каменных вещей...". Обнародованная Н. Савельевым. Буданов принялся за историческое исследование судьбы каждой вазы, каждого торшера, каждого светильника. К тому времени уже была издана книга А. Макарова о цветном камне в Эрмитаже, вышла работа Е. Ефимовой о русском резном камне, не говоря о трудах А. Ферсмана. Пospорить Буданову было с кем, поскольку не все изделия колыванские были атрибутированы несомненно точно. Ошибки были и в авторстве проектов, и в датировке произведений. И вот Сергей Буданов принялся выстраивать более подробную и достоверную судьбу той вереницы изделий, которыми отмечен как самоцветными столпами путь шифальной фабрики сквозь благословенный девятнадцатый век. И все это оформилось в виде большого сводного альбома изделий с соблюдением точной расцветки камня. Альбом и поныне хранится в Колывани.

Одновременно с уточнением биографии изделий назывались их современные адреса. Но и это не единственно важное.

Буданов попытался составить словарь мастеров-камернеров. Здесь без помощи Головина он вряд ли обошелся. Сделанная черновая работа - распрос по потомкам, изучение архивов - все это бесценно для Колывани и по сей день, и в будущем.

Так вышло, что я давно знал, что меня через газету "Алтайская правда" разыскивает жительница Магадана Татьяна Свириденко. Мой туманный адрес: Алтай, Барнаул, ей подсказали в Эрмитаже. Поводом к разысканию послужила книга "Колывань камернерная" 1986 г. Газета свела нас на почтовом уровне. Выяснилось - Свириденко имеет прямое отношение к старому камернерному роду Воротниковых! Вон куда судьба потомков забросила - в Магадан. Но и оттуда на материк удается выехать. И вот летом мы встретились со Свириденко в Барнауле. На крыльце моего жилища по ул. Пушкина лежал большой кусок ревневской яшмы, и это для гостей заменило верительную грамоту - пришла к тому, кого искала. Татьяна Свириденко (Воротниковой) хотелось уточнить многие подробности своего камернерного рода. Двумя годами раньше она прислала мне из Магадана фотографию 1914 г., на которой был запечатлен второй день свадьбы Павла Воротникова и Евдокии Поднебесновой. На снимке вся поднебесновская и воротниковская родня. И всех почти знала по имени-отчеству их магаданская наследница, но вот кто был причастен к истокам рода камернерного больше, а кто меньше - это предстояло выяснить. Замечу сразу - родом Воротниковых я специально не занимался. Я проследил только род Стрижковых, чтобы снять одно ошибочное утверждение, - Иван Стрижков является прямым наследником Филиппа Стрижкова.

(Окончание следует)